

УДК 314.72+94(470)

СООТНОШЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ И ДОБРОВОЛЬНОЙ МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1920–1990-е гг.

© Владимир Львович ДЬЯЧКОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории,
e-mail: valcan@mail.ru

© Валерий Владимирович КАНИЩЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории,
зам. директора по науке академии гуманитарного и социального образования,
e-mail: valcan@mail.ru

В статье впервые в региональной историографии рассматривается вопрос о соотношении принудительной и добровольной миграции сельского населения Тамбовской области за весь советский период, авторы на основе архивных материалов показывают, что при всех усилиях государства ему не удавалось поставить под контроль исторически неизбежный процесс выезда населения из села, исключение составил только период Второй мировой войны

Ключевые слова: миграции; сельское население; государство; мобилизация; оргнабор; урбанизация.

Одной из особенностей демографической истории аграрной России XX в. было масштабное и зачастую жесткое вмешательство советского государства в миграционные процессы. К сожалению, в российской историографии такое государственное регулирование механического движения населения на протяжении всех десятилетий советской истории в целом не исследовалось. Изучались лишь отдельные отрезки и аспекты принудительных миграций в 1920–1970-е гг.

Применительно к 1920-м гг. советские органы управления всероссийского и регионального уровней в большей мере занимались не принудительным переселением крестьянства, а препятствованием их самовольному выезду из центральных аграрных регионов на малоосвоенные территории, главным образом в Сибирь. В данном случае мы опускаем ссылку участников крестьянского восстания в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг., которая оценочно измерялась несколькими десятками тысяч человек, но сейчас находится в стадии детального изучения.

Как только в 1924 г. ограничения на самовольный выезд крестьян были сняты, они в еще большей мере устремились из перенаселенных регионов [1, 2]. На общероссийском уровне это миграционное явление изучали Н.И. Платунов, Л.И. Бородкин, С.В. Максимов. На региональном, в т. ч. тамбовском, материале на проявления этого демографического

процесса обратили внимание тот же Н.И. Платунов, а также С.А. Есиков, Л.П. Матюхин и др. [3, 4].

Ситуация с миграциями сельчан в значительной мере изменилась в конце 1920 г., когда советское государство, испытывавшее большую потребность в мобилизации трудовых ресурсов на «стройки пятилеток» и освоение природных богатств окраинных районов СССР, взяло инициативу по переселению масс крестьян в свои руки. Поскольку промышленные предприятия и места разработки различных природных ресурсов для социалистической экономики находились в районах, расположенных, скажем так, в стороне от основных направлений аграрных миграций крестьян центрально-земледельческой полосы России, государство вынуждено было искать способы принудительного направления крестьян в эти районы.

По подсчетам Т.А. Кротовой, за первые три месяца 1930 г. в Борисоглебском, Козловском, Тамбовском округах ЦЧО, в которые входила тогда территория современной Тамбовской области, было раскулачено около 16 тыс. семей, или примерно 80 тыс. чел. [5, с. 86]. Если учесть мнение П.В. Загорского о том, что в этот период за пределы ЦЧО выселялась каждая третья кулацкая семья, получается, что из трех тамбовских округов было выслано (или планировалось выслать) 25–27 тыс. человек [6, с. 73]. Но дан-

ные П.В. Загоровского представляются преувеличенными. По сведениям июня 1930 г., в Тамбовском округе из 7 тыс. раскулаченных хозяйств за пределы округа были отправлены менее 1 тыс., т. е. не каждое третье, а только каждое седьмое хозяйство [5].

Нужно также учесть, что почти одновременно с процессом раскулачивания и крестьянской ссылки шел процесс борьбы с «перегибами» и восстановления части хозяйств, объявленных кулацкими. В апреле 1930 г. в Борисоглебском округе было восстановлено около 1500 хозяйств, в Козловском – более 1150, в Тамбовском – около 2500, т. е. почти треть ранее раскулаченных [5, с. 106-107]. Более того, в июне того же года в Тамбовском округе доля восстановленных хозяйств превысила 40 % [5]. Вероятно, похожей была ситуация в двух других округах.

Цифру реально высланных кулаков следует еще несколько снизить с учетом неразберихи в организации высылки. Характерен случай, имевший место на железнодорожной станции Обловка Уваровского района Тамбовского округа, где собравшиеся в середине марта 1930 г. 495 кулацких семей (по плану намечалось 480) несколько дней ожидали вагоны. Затяжка привела к тому, что в учетно-следственную комиссию района стали поступать заявления сельсоветов с просьбами оставить переселенцев на месте. В данном случае было удовлетворено 5 заявлений [5, с. 71].

В 1926–1939 гг. сельское население Тамбовской области в сопоставимых границах сократилось с 1,8 млн до 1,6 млн человек [7, с. 43]. П.В. Загоровский подсчитал, что в 1931–1934 гг. из ЦЧО добровольно выехали 488 тыс. человек [6, с. 144]. Если предположить, что из Тамбовской области (четверть ЦЧО) самостоятельно выехало около 120 тыс. человек, получается, что это более половины того числа, на которое сократилось население области. К этим цифрам нужно прибавить какое-то количество добровольных мигрантов периода 1935–1938 гг., когда массовое раскулачивание практически не проводилось.

В другой работе П.В. Загоровский вообще доводит число выехавших из ЦЧО до 700 с лишним тысяч человек только в одном 1934 г. [8, с. 70-71]. Не обсуждая достоверность этой цифры, отметим только, что она

лишний раз подтверждает преобладание стихийной добровольной миграции крестьян большой области, включая тамбовские территории, над организованным принудительным выселением за пределы Центрального Черноземья.

Мы также учли то, что раскулачивание предполагало принудительное расселение кулаков внутри региона. Так, в Тамбовском округе в июне 1930 г. подлежали такому виду расселения 4 тыс. хозяйств или 20 тыс. человек [5]. По всем трем округам эта цифра могла составлять примерно 50 тыс. человек. Если мы прибавим это число к числу высланных за пределы границ будущей Тамбовской области, получается, что вся принудительная миграция, даже при максимальных подсчетах в 80 тыс. человек, была в 1,5 раза меньше добровольной. При этом эмиграция стала определяющим моментом в демографическом развитии тамбовского региона. Естественный прирост в тамбовском селе после всех пертурбаций коллективизации, раскулачивания, голода первой половины 1930-х гг. в конце десятилетия смог «отыграть» лишь половину доколхозного уровня – 1,3 % в 1939–1941 гг. вместо 2,6 % в 1926–1928 гг.

Перед Великой Отечественной войной оргнабор из тамбовского села «взрывается»: 112 129 человек покинули область только в 1939–1940 гг. и то же сделали еще не менее 20 тыс. «гражданских» тамбовцев в первое полугодие 1941 г. [9, с. 26-27].

Особым видом и каналом принудительной эмиграции сельчан стали «политические» репрессии 1935 – 21 июня 1941 гг. С одной стороны, у них было чувствительное количество-качество: оценочно более 12 тыс. тамбовских сельских жителей с 95 % мужчин в среднем возрасте 45,9 года. С другой – «политические» репрессии того времени почти всегда разваливали семью репрессированного и оказались наиболее безвозвратными – с почти 40 % расстрелянных и с почти 55 % получивших от 4-х до 25-ти лет лагерей за пределами ЦЧР (47 % – более 7-ми лет лишения свободы).

Для понимания общего демографического развития тамбовского региона в советский период мы не можем обойти время Великой Отечественной войны при всей специфичности миграционных процессов той поры. В широком смысле любой призыв в армию яв-

ляется выполнением воинской повинности. В мирные годы он носит ограниченный характер, касается молодых возрастов, в значительной части еще неженатых мужчин. В традиционном крестьянском обществе в подавляющем большинстве случаев он заканчивался возвратом отслуживших срочную службу домой. Призыв на Великую Отечественную войну коснулся значительно более широкого круга мужчин, большей частью семейных, находившихся в активном детородном возрасте и, самое главное, оказался в огромной мере безвозвратным, что очень существенно повлияло на демографическую ситуацию в селе на многие десятилетия вперед.

Общий призыв мужчин из тамбовского села в 1939–1945 гг. (с учетом советско-финской войны) составил более 500 тыс. человек (примерно 450 тыс. из села). К этому следует добавить попавших под различные формы трудового оргнабора за пределы Тамбовской области свыше 85 тыс. человек. (примерно 75 тыс. селян). Боевые потери тамбовских сельских фронтовиков исчисляются не менее чем в 230 тыс. человек. С трудового фронта не вернулись, вероятно, 2–3 тыс. людей. Но практически полностью не вернулись в тамбовское село лица, попавшие под трудовой оргнабор 1945–1946 гг., а также направленные на заполнение «выселенных территорий» (около 30 тыс. человек). Не вернулись в родные края примерно 3 тыс. тамбовчан, попавших под политические репрессии 1939–1945 гг. Наверняка выбыли из области (и нередко из жизни: 3,4 % дезертиров приговаривались к расстрелу, а более 90 % получали сроки 7–10 лет лишения свободы) 9 тыс. осужденных к ИТЛ красноармейцев-дезертиров из 20 тыс. человек подобного контингента, «отловленного» по тамбовским селам. В годы войны временно или навсегда регион покинула какая-то (меньшая) часть «обыкновенных» осужденных уголовников, коих в 1941–1945 гг. всего было около 14 тыс.

В целом вследствие принудительных миграций за годы войны из сельской местности Тамбовской области безвозвратно выбыло около 300 тыс. человек.

Но было бы несправедливо категорично забывать о том, что значительная часть армейских призывников и «бойцов» трудового фронта были добровольцами (особенно летом 1941 г., до осознания смертного ужаса

фронта). Известно, что военкоматами области в целом было призвано около 5 тыс. человек, подавших заявления о добровольном вступлении в ряды Красной армии. В этом проявился героический энтузиазм, традиционный для российских отечественных войн. Правда, среди сельчан добровольцев почти не было, хотя уход многих деревенских юношей в РККА с желанием, но все же по плановому, принудительному призыву, оказывался «духовным» добровольчеством.

Несколько сложнее обстояло дело с «добровольными порывами» к трудовой мобилизации. И в этой сфере, наверняка, и тем же летом 1941 г. были «комсомольцы-добровольцы». Но все же, зная советскую действительность, можно предполагать преобладание «добровольно-принудительного» характера направления юношей и девушек на трудовой фронт. В любом случае различные источники говорят о том, что мобилизации «на окопы» активно не сопротивлялись, но заметно нарастало пассивное сопротивление и бегство с УРов при любой ситуации, оправдывавшей его.

Наоборот, в некоторых случаях формально принудительный призыв тамбовских селян на восстановление разрушенных оккупантами и выселенных районов СССР сочетался с желанием переселиться в более привлекательные, чем Тамбовщина, края (особенно, в Крым во второй половине 1944 г.) [9–11].

Организованные трудовые миграции сложно переплетались и в послевоенные годы. Если отвлечься от субъективной стороны вопроса, с ее искренним стремлением отдельных семей, попавших под оргнабор, найти в других краях лучшую жизнь, то, в принципе, переселение колхозников Тамбовской области в другие районы СССР по инициативе государства выступало принудительной миграцией.

Одним из признаков принудительного характера переселений тамбовских крестьян, организованных в послевоенный период местными властями, были направления таких переселений, которые во многом не совпадали с традиционными направлениями миграций крестьян тамбовского региона.

По понятным причинам до 1945 г. не могла иметь место миграция в Калининградскую область. Среди «популярных» направ-

лений переселений тамбовских крестьян до середины XX в. занимали незначительное место такие регионы, как Восточная Сибирь, Дальний Восток, Северо-Запад европейской части РСФСР (не считая Ленинграда) [12, с. 316].

Очевидным показателем недобровольности организованного переселения колхозников Тамбовской области является степень выполнения официальных планов переселения. Так, из 1232 семей, запланированных к переселению из сельских районов Тамбовской области в 1950 г., реально выехали 745, или 60 %. При этом план переселения в Калининградскую область, привлекавшую своим хоть и подорванным, но европейским «комфортом», был выполнен полностью. Даже при невыполнении плана несколькими районами недостаток был легко перекрыт желающими переехать в недавний кусок Восточной Пруссии из районов, которым план по этой области «не спускался».

Но это был единственный случай, когда принудительное переселение совпадало со стремлением измученных деревенской жизнью людей переселиться в благополучный, по их представлениям, регион. Планы же переселения сельских жителей из Тамбовской в Читинскую область в том же году были выполнены на 90 %, в Архангельскую область – на 70 %, в Амурскую область – менее чем на 60 %, в Карело-Финскую ССР – на 40 %, в Приморский край – менее чем на 15 % [13].

Если учесть, что в 1951 г. из сельской местности Тамбовской области выбыло всего более 19 тыс. человек [14], под принудительную миграцию попали всего 4 % переселенцев. Остальные более чем 90 % нашли возможным добровольно переехать в другие регионы СССР.

Наиболее известным явлением «добровольно-принудительной» миграции в 1950-е гг. было направление работников на освоение целинных земель. По данным Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области (бывший архив Тамбовского обкома КПСС), в целом за несколько лет на постоянную работу из области выехало до 20 тыс. человек. Не вдаваясь в анализ этой цифры (думается, точность советской партийно-идеологической цифри вообще трудно проверить), предположим

только то, что большая часть этих мигрантов была из сельской местности.

Все остальные виды организованного набора рабочих в промышленность, строительство, на транспорт в 1950-е гг. ежегодно насчитывали только сотни людей. Данные ежемесячных отчетов отдела переселения и оргнабора рабочих Тамбовского облисполкома за 1960 г. свидетельствуют о направлении работников на явно «непрестижные» объекты: строительство шахт в Кемеровскую область (тресты «Прокопьевскшахтострой» и «Кузнецкшахтострой»), объектов нефтяной промышленности в Оренбургскую область (трест «Орскнефтестрой»), электростанций (тресты «Братскстрой» и Братскгэсстрой), железных дорог в Якутию и Урал, сахарных заводов в Тульскую область и Татарскую АССР, в лесную промышленность в Коми АССР, Красноярский край, в Свердловскую область, на рыбные путины в дальневосточных морях (организации «Главдальвостокрыбпром», «Камчатрыбпром», «Сахалинрыбпром») и т. п.

В этот период опять-таки проявилась неразбериха как с планированием, так и с выполнением планов переселения тамбовчан. Так, уже в январе 1960 г. подлежало направлению на строительство шахт в Прокопьевск 100 чел., было направлено 86 человек, передано предприятию 55 человек. Напротив, в трест «Орскнефтестрой» планировалось направить 75 человек, а удалось направить 81 человек. Данные же о передаче работников предприятию в отчете отсутствовали, все они считались находящимися в пути. И так было каждый месяц. В итоге выполнение плана оргнабора от Тамбовской области за весь 1960 г. по максимуму можно исчислить в 1200 человек [13, д. 157, л. 3-44].

Запутанность отчетности не позволяет точно сказать о том, сколько попало под оргнабор сельских жителей. Можно лишь примерно предположить, что это было несколько сот человек.

По понятным причинам численность добровольных мигрантов из тамбовского села в 1950-е гг. никто не считал. Но, в принципе, это число можно приблизительно вычислить. Общая миграция селян из области в 1960 г. составила около 20 тыс. человек [12]. Следовательно, доля «организованных» властью мигрантов из тамбовского села в этом

году была не более 5 % от общего числа переселившихся. Совершенно ясно, что добровольная миграция в 1950-е гг. впервые за 40 лет советской власти стала многократно превышать принудительную. Это очевидный результат роста внимания государства к советскому человеку вообще и «повышения сортности» сельчан в частности с началом «хрущевской оттепели».

Данные 1960-х гг. о выезде населения тамбовского села более точны. Их суть достаточно четко сформулировал в 1969 г. заведующий отделом по использованию трудовых ресурсов Тамбовского облисполкома П. Разваляев в записке в Государственный комитет Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов: «Сокращение численности трудовых ресурсов, так же, как и населения, вызвано снижением естественного прироста, механическим оттоком в основном трудоспособного населения» [13, д. 319, л. 3].

План 1970 г. исчислялся из реально достигнутого в 1969 г. – 1463 человек. Причем и такой план представлялся миграционным чиновникам напряженным. Тот же П. Разваляев писал: «План переселения в количестве 200 семей выполняется с большим напряжением, не за 2–3 отправки, а примерно в конце полугодия, отдел проектирует на переселение 150 семей» [13, д. 319, л. 4].

В той же справке указывалось, что только в 1966–1968 гг. из сельской местности Тамбовской области выехало более 90 тыс. Понятно, что организованное переселение насчитывало не более 5 тыс., или примерно те же 5 %, что и десять лет назад.

В 1970-е гг. принудительная миграция из Тамбовской области оставалась на уровне двух предыдущих десятилетий. В 1981 г. и план оргнабора, и его выполнение равнялись 1100 человек [13, д. 546, л. 5]. Естественный прирост в Тамбовской области к концу 1970-х гг. впервые в истории принял отрицательное значение (в сельской местности «демографический крест» сложился на 10 лет раньше). Но в целом за десятилетие его значение можно признать равным нулю. В таком случае почти все сокращение сельского населения региона за эти годы – 200 тыс. человек [15, с. 58, 60] – следует связать с миграцией, причем опять-таки на 90 с лишним процентов – самостоятельной.

С развалом советской системы в 1990-е гг. разрушилась и система «оргнабора» и, соответственно, принудительная миграция. Показатель же самостоятельного выезда сельчан за пределы области остался примерно на уровне всего послевоенного периода – около 18 тыс. человек в год.

В целом за весь советский период (за исключением чрезвычайного периода Второй мировой войны) система жесткого регулирования переселенческих процессов, как показали тамбовские материалы, не смогла поставить под полный контроль механическое движение сельского населения. Даже в суровые военные времена имели место многочисленные примеры добровольной военной и трудовой миграции (а равно и массового отказа людей от переселения, как в случае срыва в 1942 г. оргнабора в Забайкалье). В последующие десятилетия второй половины XX в. государство уже не могло (да и не слишком стремилось) остановить исторически неизбежный массовый добровольный отток сельчан в урбанизированную среду, уже более полувека работающий сильнейшим фактором общей демографической катастрофы.

1. *Платунов Н.И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июль 1941 гг.). Томск, 1976.
2. *Бородкин Л.И., Максимов С.В.* Пространственные аспекты крестьянских миграций в России: информационный потенциал Всесоюзной переписи 1926 г. // Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Современные методы исследования. Тамбов, 1999. С. 44–59.
3. *Есиков С.А.* Переселения тамбовского крестьянства как средство преодоления аграрного переселения (1860–1820-е гг.) // Проблемы исторической демографии и исторической демографии Центрального Черноземья. Москва; Курск, 1994. С. 142–149.
4. *Матюхин Л.П., Платунов Н.И.* Трудовые миграции сельского населения Центрально-Черноземного и Западного регионов РСФСР в 1920-е гг. // Там же. С. 210–220.
5. *Кротова Т.А.* Тамбовское крестьянство и власть в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Тамбов, 2007. С. 86.
6. *Загоровский П.В.* Социально-политическая история ЦЧО. Воронеж, 1999. С. 73.
7. Тамбовская область за 50 лет Советской власти. Статистический сборник. Тамбов, 1967. С. 43.

8. *Загоровский П.В.* Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. Воронеж, 1998. С. 70-71.
9. *Дьячков В.Л.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и социально-демографическое развитие Тамбовской области. Тамбов, 2010. С. 26-27.
10. Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тамбов, 2007–2008. Т. 1-2.
11. Тамбовцы на фронтах Второй мировой войны 1939–1945 гг. Тамбов, 2010.
12. *Иванов Д.П., Канищев В.В.* Изменения парадигмы миграционного поведения тамбовского крестьянства в XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 1 (81).
13. ГАТО (Гос. архив Тамбовской области). Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 86. Л. 1-3.
14. ГАТО. Ф. Р.-3688. Оп. 1. Д. 2538. Л. 1-3.
15. 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области. Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997.

Поступила в редакцию 15.06.2011 г.

UDC 314.72+94(470)

CORRELATION OF FORCED AND VOLUNTARY MIGRATIONS OF RURAL POPULATION OF TAMBOV REGION IN 1920–1990S

Vladimir Lvovich DYACHKOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of Russian History Department, e-mail: valcan@mail.ru

Valeriy Vladimirovich KANISHCHEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of History, Professor of Russian History Department, Vice Director for Science of Humanitarian and Social Education Academy, e-mail: valcan@mail.ru

The article scrutinizes the question about correlation of forced and voluntary migrations of rural population of Tambov region for the whole Soviet period for the first time by regional historiography; on the base of archive materials the authors show that by whole efforts the state couldn't control the historically inevitable process of population departure from the country, the exception was only the period of World War II.

Key words: migrations; rural population; state; mobilization; organizational enlistment; urbanization.